

«В ЭТОМ ЦАРСТВЕ СОКРОВЕННОЙ СУТИ...»

Эта книга увидела свет в Кемеровском книжном издательстве еще в прошлом году. Для читателей она не осталась незамеченной. Но так получилось, что сразу по выходу сборника рецензия в «Кузбассе» не появилась. И вот недавно приехавший на землю Кузнецкую литератор Геннадий Кузнецов познакомился с книгой Любови Никоновой и откликнулся на это знакомство материалом, который мы сегодня публикуем. Действительно, верно слышит народная мудрость: «Лучше поздно, чем никогда».

Любовь Никонова в книге «Перед чудом жизни» предстает перед читателем в двух ипостасях: как поэт и как прозаик. Стихи объединяются в главе под названием «Связь». Оно обуславливается тем, что все в жизни, как утверждает автор, «связано связями кровными», что и доказывает на протяжении всей стихотворной части книги. Поэт демонстрирует одновременно жанровое разнообразие своей лирической музыки. Ей присущи философские, гражданские и глубоко личные мотивы.

В лучших своих стихах Любовь Никонова достигает мастерства, могущего удовлетворить самого взыскательного читателя. Автор ответственно распоряжается арсеналом поэтических средств, решая при этом непростую задачу достижения гармонии между формой и содержанием. Нередко воображение поэта рисует поистине чудодейственные, порой почти мистические картины. Однако автор со своими чувствами остается на грешной земле, что тем не менее не мешает сразу взять весьма высокую поэтическую ноту.

Одно из лучших стихотворений книги начинается так: Ты мне скажи, заветное виденье, зачем в твои прозрачные владенья я проникаю в мыслях и во сне?

Не града ли, сразу возникает ощущение чего-то, подернутого дымкой таинственности, сквозь которую уже пробивается первая драматическая нотка. Следующие строчки усиливают ее звучание:

Опять, опять вхожу я,

обмирая,
под сводами зеленоющего
рея:
судьба, ты подобрала
ли ко мне?

Драматизм продолжает нарастать. Кстати, его присутствие, его напряжение являются вместе с художественностью, на мой взгляд, главными причинами провала интереса читателя к стихотворению.

Перед читателем раскрывается идеал среды или обитания, в котором ты — лирический герой, увлекаемый своей фантазией.

Здесь, в этом царстве сокровенной сути,
где нет ни лжи,
ни наклики, ни мути,
я не стыжусь
и не скрываю слез.

Из этой нематериальной субстанции волею автора создается и символический образ совершенного чувства, и идеал, могущий его удовлетворить. Лирическая субстанция идеала вылепливается легко, свободно, на одном дыхании.

О, неужели, наконец, сияя,
ко мне душа приблизится
родная,
приблизится в лучах своих
живых...

Прекрасная мечта рядом, вот она, только прости руку. Но горечь прошлых утрат жива, память сердца настолько отячена ими, что встреча с идеалом вызывает тяжелые переживания и не окрыляет, а страшит. Драма достигает высшей отметки.

Но трудно мне, почти невыносимо...

Пройди, прошу, пройди
уж лучше мимо,
Заключительная строка
вдвигает новую волну несоответствия между мечтой и действительностью, в ней слышится уже трагическое звучание.

Так легче мне, привыкшей
среди чужих...

Одним штрихом поэт раскрывает второй пласт драмы лирического героя, который мог бы стать основой уже другого произведения. Вот так небольшое лирическое стихотворение обретает немалую поэтическую силу.

Хотелось бы обратить внимание на пластичность создания образа и на мастерство его воплощения.

Наверное, каждый наблюдал летящие по воздуху

прозрачные паутинки. Они красивы, слов нет. Их можно укоротить или удлинить — они не потеряют своей прелесть. Другое дело, если почти такие же паутинки входят в созданное маленьким паучком «художественное полотно». Уберите часть его или даже хотя бы одну нить, и гармонически связанное нарушится. Перед взором сразу же предстанет нечто несовершенное, а может даже и уродливое. Так и ныне стихи можно укорачивать или удлинять. Они от этого не потеряют ничего, а могут даже и выиграть. Но выбросите хоть строчку или даже слово в другом, настоящих стихах, и сразу же они потеряют законченность, целостность, прелесть их потускнеет или даже утратится совсем. К числу именно такого рода стихотворений, то есть к высшему порядку поэзии, относятся и «Ты мне скажи, заветное виденье...».

Писать стихи высокого гражданского звучания очень непросто. Здесь легко впасть в велеречивость, уйти в ложный пафос, увлечься назидательностью, морализованьем, наконец, просто не устоять перед прозаизмами и сделать произведение второсортное по художественной значимости.

В стихотворении «Мусоргский» Любовь Никонова сумела успешно преодолеть все эти препятствия, тесно увязав далекое прошлое с сегодняшним днем. Как известно, монументальная народная музыкальная драма композитора «Борис Годунов» в историческом плане создана со смутным временем, что и констатируется поэтом в самом начале стихотворения. Отсюда легко песекидывается мостик в современность.

И слухи. И рокот
красавый.
Зевая и юродивых — тыма.
Свет солнца — тяжелый
и ржавый.
Затмение душ и ума.
На каждом шагу
самозванцы...

Великолепно используя аллегорию, весьма близкую к самой высокой степени метафоричности, Любовь Никонова пишет портрет Мусоргского таким, как он

предстал Релину уже незадолго до кончины композитора.

Тот выпячил грузное тело, отечную тяжесть лица — и выразил душу, что пела и петь обрелась до конца; всю драму природы широкой, последнюю бурю в крови... и взор, что исполнен глубокой, одной безотказной любви...

А любовь эта — народ и Россия. Та любовь, которой мощью были пронизаны все произведения Мусоргского. О воспитании этой любви мы так мало заботимся в наше смутное время, связав себя заботами о наполнении кошелечка, но, увы, не души. И мы остро чувствуем это, прочитав стихотворение «Мусоргский», и слышим укор себе, не прямой, опосредованный, но сделанный поэтом и оттого более впечатлительный и действенный, чем любой другой.

То, что мы слышим, это прекрасное достоинство таланта, умеющего задевать нас самые сокровенные струны.

Я сознательно ограничусь разговором только об этих двух стихотворениях, больше других нашедших отклик в сердце. Цель моя — в силу возможности попытаться исследовать поэтические вершины книги Л. Никоновой «Перед чудом жизни» с тем, чтобы как-то помочь, пусть даже совсем немного, в создании поэтом новых стихов, художественный уровень которых был бы не ниже упомянутых выше.

С другой стороны, мне бы хотелось привлечь внимание читателей к настоящей поэзии, как-то сориентировать его, а особенно юношей и девушек. Ведь не секрет, что на эту сторону в школе мало обращают внимания. Хотя привитие художественного вкуса — одна из важных граней эстетического воспитания. Ведь, как известно, мир может спасти красота. И в первую очередь, конечно, красота человеческих поступков, появлению на свет которых всегда способствовала большая поэзия.

Г. КУЗНЕЦОВ.

г. Новокузнецк.